

Чэн Ян и Гу Цин, весело болтая и смеясь, спустились вниз, но, подняв голову, увидели сидящего за столом Чэн И с совершенно почерневшим лицом.

Чэн Ян испугался, увидев выражение лица своего старшего брата, и поспешно спросил:

— Старший брат, что с тобой такое? Неужели вы поссорились с Янь-янем?

Не потому ли Янь-янь сам предложил пойти поесть домой, что поссорился со старшим братом?

Чэн И поднял голову, взглянул на Чэн Яна, смягчил выражение лица и сказал:

— Нет, сначала садись есть.

Чэн И, конечно, не мог поссориться с Ань Янём. Выражение его лица было таким мрачным только потому, что он только что увидел посты, опубликованные в виртуальной сети теми хейтерами.

Хотя хейтерам и не удалось добиться своей цели, и развитие постов пошло в полную противоположность тому, на что они рассчитывали, Чэн И, увидев тот контент, всё равно не мог не разозлиться.

Он уже отдал распоряжение людям начать расследование этого дела, но гнев в душе всё равно было трудно рассеять за один миг.

Видя, что лицо старшего брата всё ещё немного мрачное, Чэн Ян не посмел больше расспрашивать, а лишь тайком после ужина связался с Ань Янём:

[Янь-янь, ты не захотел остаться у нас поужинать, потому что вы со старшим братом поругались?]

Ань Янь, получив сообщение, пребывал в полном недоумении:

[Нет, мы с твоим старшим братом не ссорились. Я пошёл домой, потому что хотел поужинать вместе с мамой. Почему ты вдруг об этом спрашиваешь?]

[Да ничего особенного, просто спросил,] получив ответ, Чэн Ян тут же перевёл тему, [кстати, завтра я собираюсь с Гу Цином немного погулять по окрестностям. Ты не хочешь с нами?]

Ань Янь подумал немного и ответил:

[Завтра мне нужно тренироваться с твоим старшим братом, так что я не пойду. Вы двое хорошо проводите время.]

Ещё немного поболтав с Чэн Яном, Ань Янь развернулся и позвонил Чэн И по видео-связи.

На экране видео Чэн И сидел на маленьком диване на балконе своей комнаты, на фоне было тёмно-синее звёздное небо, иногда проносился лёгкий ветерок — выглядело безмятежно и прекрасно.

Чэн И мягко заговорил:

— Янь-янь уже поужинал?

— Уже поужинал, — кивнул Ань Янь.

Чэн И спросил:

— А что Янь-янь ел на ужин?

— Сегодня ужин готовила моя мама. Вообще-то должен был готовить я, я даже продумал меню на вечер, но она сказала, что я, наверное, очень устал от участия в соревнованиях, и просто не пустила меня на кухню, — Ань Янь с сожалением вздохнул. — Однако моя мама готовит действительно намного вкуснее меня. Она приготовила «восемь сокровищ» из тыквы, креветки с ростками чеснока, томат с говяжьей грудинкой и ещё кисло-острый суп — всё было очень вкусно.

— Судя по описанию, действительно очень вкусно, — Чэн И очень любил обсуждать с Ань Янём такие простые жизненные темы. За непринуждённой беседой о домашних делах время словно текло медленно и незаметно.

Ань Яню тоже очень нравилась такая атмосфера, но на этот раз он сам позвонил Чэн И не ради этих разговоров.

— Хватит об этом, — Ань Янь решительно прервал эту тему и заговорил: — На самом деле у меня есть один вопрос, который я хочу тебе задать.

Чэн И слегка приподнял бровь:

— Что же хочет спросить Янь-янь?

— Раньше ты говорил мне, что я непременно должен рассказывать тебе обо всех своих мыслях. Я считаю, что это правильно: в отношениях двух людей общение очень важно, — Ань Янь с серьёзным выражением лица посмотрел на Чэн И и медленно произнёс: — Но раньше я забыл спросить тебя, а что ты сам думаешь по этому поводу?

Чэн И от этого вопроса почему-то почувствовал необъяснимую неловкость, однако на лице его была написана предельная серьёзность:

— Я думаю точно так же, как и ты.

— Правда? — Ань Янь принял выражение, в котором смешались вера и недоверие.

Чэн И продолжал предельно серьёзно кивать:

— Конечно.

— Значит, раньше ты никогда ничего не скрывал от меня, что касается меня? — спросив, Ань Янь тут же очень строгим тоном подчеркнул: — Не смей меня обманывать!

Думавший, что он очень строг, но на деле едва не растопивший Чэн И своей милотой, Ань Янь, задав вопрос, с ожиданием посмотрел на него. И Чэн И, который ещё мгновение назад мог бы с самым серьёзным видом солгать, почему-то не смог вымолвить ни слова.

С выдающимися актёрскими способностями Чэн И обмануть малыша было совсем не трудно, но, встретив его чистый, полный доверия и ожидания взгляд, некоторые слова было очень трудно произнести.

Он слегка опустил ресницы и тихо сказал:

— Прости, Янь-янь.

Брови Ань Яня тут же встали дыбом:

— Значит, ты действительно скрывал от меня что-то раньше?!

Чэн И, который никогда ничего не боялся, в этот момент почему-то на собственном опыте постиг всю глубину понятия «трусость». Он украдкой взглянул на малыша, сложил обе руки на коленях и с самым что ни на есть послушным видом приготовился «чистосердечно признаться в надежде на снисхождение»:

— Я не нарочно скрывал от тебя, просто не видел необходимости тебе рассказывать.

Ань Янь сурово произнёс:

— А сейчас такая необходимость появилась.

Чэн И попытался избежать ответа:

— Янь-янь, будь спокоен, с этого момента я не буду ничего от тебя скрывать.

Ань Янь приподнял бровь:

— Разве я говорил, что не буду принимать в расчёт то, что ты скрывал от меня раньше?

Чэн И замолчал: малыш, похоже, не так-то легко его проведёшь.

Ань Янь серьёзно продолжал допрос:

— Итак, что выберешь ты — сам добровольно признаешься или мне устроить тебе допрос?

Глаза Чэн И невольно слегка блеснули:

— Каким способом Янь-янь хочет меня допросить?

Ань Янь мгновенно раскусил его замысел и, покраснев, сказал:

— Если ты мне не расскажешь, я поступлю как раньше: не буду с тобой связываться и тебе не позволю со мной связываться!

Угроза была настолько серьёзной, что Чэн И пришлось признаться, как на духу:

— Я выбираю признание в надежде на снисхождение.

— Тогда быстро рассказывай, мой блокнотик уже готов, — Ань Янь поднял в руке свой блокнотик, всем видом показывая, что будет вести записи.

Чэн И, в очередной раз умилённый малышом, очень захотел немедленно рвануть к нему и зажать его в своих объятиях.

Но, вспомнив, что разговор слишком серьёзный, Чэн И мог лишь с сожалением оставить эту мысль и начал исповедоваться:

— Впервые я скрыл от тебя... когда мы только познакомились.

Ань Янь так удивился, что блокнотик едва не выпал у него из рук:

— Ты начал так рано?!

Чэн И с чувством вины опустил голову и замолчал.

Ань Янь взял себя в руки:

— Продолжай признаваться, я пока не буду тебя перебивать.

Помолчав немного, Чэн И продолжил:

— Помнишь, когда я впервые пришёл к тебе в гости? Те фрукты, которые я тогда принёс, на самом деле были не оставшимися со вчерашнего дня, а сорванные мной рано утром в саду.

Услышав эти слова, выражение лица Ань Яня слегка изменилось.

Чэн И, оробев, не смел смотреть на выражение лица малыша. Помолчав немного, он продолжил:

— Позже, в тот вечер, когда я был у тебя в гостях, я случайно обнаружил нескольких человек, которые следили за тобой. Расследовав это дело, я узнал об Ань Ло. Тогда я тайно разобрался с теми людьми и использовал кое-какие средства, чтобы это дело рассмотрели раньше срока.

Слушая рассказ Чэн И, сердце Ань Яня невольно дрогнуло. Он тогда ещё подумал, что дело рассмотрели быстрее, чем он ожидал, но никак не предполагал, что правда окажется такой.

Неудивительно, что сразу после окончания суда Чэн И позвонил ему и приготовил много вкусной еды.

Признавшись в этом деле, Чэн И рассказал о следующем:

— Тот дом с виллой, в котором вы сейчас живёте с тётушкой, на самом деле я сначала велел тайно его купить, а потом перепродал тебе. Я боялся, что цена будет слишком высокой и ты не сможешь её принять, поэтому и...

— В тот день, когда ты снова превратился в хомяка, я на самом деле нарочно унёс тебя домой, потому что хотел, чтобы моя семья как можно скорее приняла тебя — в любом облике.

— На тот обед с твоими одноклассниками я тоже нарочно согласился, чтобы они увидели, что я к тебе чувствую.

— Что касается Чжао Синьсинь... поскольку она нарочно к тебе придиралась, я попросил мою мать разорвать сотрудничество с семьёй Чжао, а потом разузнал ещё кое-какую информацию о семье Чжао. Сейчас клан Чжао почти полностью развалился.

— Когда раньше твой доклад Институту слили в сеть, я велел людям выяснить, кто это сделал, и обнародовал в виртуальной сети все его прошлые делишки.

— История с помолвкой — это тоже на самом деле был мой план, потому что ты слишком яркий, и я очень боялся, что тебя кто-нибудь уведёт.

...

— И ещё о твоём отце... — рассказывая слишком много всего за один раз, по невнимательности Чэн И чуть было не выболтал и то, что не следовало.

Но даже несмотря на то, что Чэн И быстро пришёл в себя и сразу же остановился, Ань Янь всё равно мгновенно вынырнул из глубокого умиленья, чтобы уловить ключевое слово.

— О моём отце? — спросил Ань Янь.

Его понимание слова «отец» было довольно поверхностным — в основном из воспоминаний оригинального хозяина, — и глубоко прочувствовать это он не мог.

А последний раз, когда это слово упоминалось, было как раз тогда, когда мама Ань подняла соответствующий вопрос. Ань Янь чутко связал это дело со словами Чэн И и серьёзно произнёс:

— Ты говорил, что с этого момента не будешь больше ничего от меня скрывать!

Чэн И, с досадой сетуя на свою недавнюю невнимательность, вынужден был подробно описать все обстоятельства дела.

Выслушав его рассказ, выражение лица Ань Яня стало совершенно спокойным. Он уже полностью пришёл в себя от умиления:

— Значит, я ничего об этом не знал, а биологический отец оригинального хозяина нашёл маму и захотел с ней воссоединиться, и всё это только потому, что он хотел использовать меня, чтобы спасти компанию отца его нынешней жены?

— Поверхностно — да, так оно и есть. Но, возможно, у него был и запасной план, — сказал Чэн И. — Ведь твоё будущее и правда трудно переоценить. Если бы ты признал его своим отцом, выгода для него была бы абсолютно выше, чем от клана Чжу.

Ань Янь невольно усмехнулся — с горькой иронией:

— И что же этот человек думает? Он сам бросил свою жену и ребёнка, а теперь у него ещё хватает наглости просить воссоединения и надеяться, что сын признает его? Даже если бы первоначальный хозяин был жив, наверное, всё равно... — на полуслове Ань Янь вдруг вспомнил о той глубокой привязанности к существованию «отца» в воспоминаниях оригинального хозяина, и его уверенность слегка пошатнулась.

Мама Ань, должно быть, поэтому и не стала рассказывать ему об этом?

Но как бы там ни думал первоначальный хозяин, это не повлияет на его собственное решение:

— Вы не должны были скрывать это от меня. Мне очень хочется отругать его в лицо.

Тогда бросил жену, а теперь ещё смеет сам заявиться! Это же просто возмутительно до крайности!

Но сейчас у него, очевидно, нет такой возможности. Ли Цзунъюнь уже сидит в тюрьме, не может же он специально идти в тюрьму, чтобы отчитать его?

При всём при этом небольшом сожалении, на душе у Ань Яня сейчас было явно больше глубокого умиления. Он никогда раньше не думал, что Чэн И сделал для него так много за спиной, но при этом ни разу не заикнулся.

Если бы это был не видео-звонок, Ань Янь хотел бы прямо сейчас броситься к Чэн И и обнять его.

Он поднял голову, посмотрел на Чэн И с умилением и произнёс необычайно серьёзно:

— Спасибо тебе за то, что ты так много для меня сделал.

Чэн И всё ещё боялся, что малыш рассердится, но, услышав эти слова, с облегчением выдохнул:

— Это всё, что я должен был сделать.

— Но впредь так больше нельзя — скрывать от меня, — голос Ань Яня стал невероятно мягким.

Чэн И с нежной улыбкой кивнул:

— Впредь больше не посмею.

Кто ж знал, что, когда Чэн И полностью успокоился, Ань Янь вдруг переменялся в лице, прищурился и сказал:

— Подожди-ка, ты ведь только что ещё не всё рассказал, верно?

Сердце Чэн И дрогнуло:

— Всё рассказал.

— Ты уверен? — Ань Янь прищурился и продолжил допрос. — Ты уверен, что рассказал всё о том, что было до того самого момента, как я тебе позвонил?

Ань Янь намеренно произнёс фразу «до того самого момента, как я тебе позвонил» с большим ударением, подавая подсказку.

Благодаря этой подсказке Чэн И действительно быстро вспомнил кое о чём, но заколебался.

Все предыдущие вещи он смог выложить так легко главным образом потому, что всё это уже в прошлом, люди, которые должны были понести наказание, уже получили заслуженную кару, и даже если малыш узнает, его это, вероятно, не слишком затронет.

Но то, о чём идёт речь сейчас, хотя расследование уже началось и должно скоро разрешиться, всё же на данный момент оно находится в состоянии ожидания решения.

Чэн И беспокоился, что это дело может повлиять на настроение малыша.

Догадавшись о мыслях Чэн И, Ань Янь сам заговорил первым:

— Чэн И, я знаю, что ты хочешь меня защитить, но я совсем не хрупкий. Что бы ни случилось, я буду смотреть правде в глаза и стараться решать проблемы. Я могу тебе обещать, о чём бы ты ни собирался рассказать, я не позволю этому повлиять на себя сверх допустимого.

Раз малыш сказал такие слова, Чэн И мог лишь со вздохом произнести:

— Ты прав, я слишком осторожничаю.

На самом деле Чэн И прекрасно понимал: хотя малыш выглядит простодушным и добрым, он ни в коем случае не трусливый и не слабохарактерный. Как тогда, столкнувшись с этим Ань Ло, даже когда он только попал сюда и ещё плохо ориентировался в окружающей обстановке, малыш всё равно смог отнестись к этому спокойно и с помощью своей сообразительности разрешить трудную ситуацию.

Просто когда сердце неравнодушно, оно путается. Стоит Чэн И лишь подумать о том, что малыш может обидеться или расстроиться, как его сердце сжимается. Поэтому он и старается за его спиной расчищать все преграды, чтобы малыш не пострадал.

<http://bllate.org/book/12415/1106210>